

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47)

Улус Дондуковых в первые годы правления наместника Убаши

Александр Викторович Цюрюмов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Цюрюмов А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена первым годам правления молодого калмыцкого наместника Убаши. *Цель статьи* — анализ истории возвращения Дондуковых в Калмыцкую степь в этот период. *Результаты.* В 1762 г. императрица Екатерина II разрешила княгине Вере Дондуковой с семьей вернуться в улусы. Но возвращение княгини Дондуковой и ее сына Алексея в январе 1763 г. дестабилизировало политическую обстановку в ханстве. Сразу появились слухи о скорой передаче власти княгине Дондуковой и пересмотре улусной системы ханства. Многие вспоминали, как за 3 десятилетия до этих событий нойон Дондук-Омбо увел на Кубань большую часть волжских калмыков. Тогда власти империи вынуждены были простить его и передать ему власть в ханстве. Фактически ханство стояло перед новой усобицей. Правительство вынуждено было действовать на опережение и, применяя методы уговоров и угроз, нормализовать ситуацию в улусах. Данный исторический сюжет показывает, что методы национальной политики на протяжении XVIII в. постепенно менялись.

Ключевые слова: национальная политика, Калмыцкое ханство, Убаши, князья Дондуковы, Поволжье

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Цюрюмов А. В. Улус Дондуковых в первые годы правления наместника Убаши // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 3. С. 514–523. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-514-523

Ulus of the Dondokovs in Early Years of Viceroy Ubashi's Reign

Alexander V. Tsyuryumov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tsyuryumov A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with the earliest years of the young Kalmyk Viceroy Ubashi's reign. **Goals.** The paper attempts an analysis of the Dondukovs' arrival in Kalmyk Steppe during the mentioned period. **Results.** In 1762, Empress Catherine II granted Princess Vera Dondukova and her family a permission to move back to their *uluses* (estates). But the January 1763 return of Vera Dondukova and her son Alexey destabilized the political situation in Kalmyk Khanate, which resulted from immediate rumors suggesting a soon handover of power to the former to be followed by changes in the ulus system proper. Many would recall how Noyon Donduk-Ombo had led the bulk of the Volga Kalmyks to Kuban somewhat thirty years before, and in those circumstances the imperial government had been forced to forgive him and formalize his actual position as Kalmyk ruler. In fact, the Khanate was facing another wave of feuds. This time the Russian government chose to identify problems before they arose, and sought — with entreaties and threats — to normalize the situation in Kalmyk *uluses*. This historical fact attests to that the 18th century was witnessing gradual changes in methods of imperial nationalities policies employed.

Keywords: nationalities policy, Kalmyk Khanate, Ubashi, Dondukov Princes, Volga Region

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Tsyuryumov A. V. Ulus of the Dondukovs in Early Years of Viceroy Ubashi's Reign. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 514–523. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-514-523

Введение

В первые годы правления наместника Убаши (1761–1771) в Калмыцком ханстве неожиданно сложилась кризисная ситуация. Она была связана со сменой правителя, его молодостью и, самое главное, возвращением в Астраханскую губернию князей Дондуковых, неожиданно заявивших о своих планах на власть.

Сложившаяся ситуация могла привести к началу новой усобицы, столь часто происходившей в ханстве. Как правило, обстановка в самом ханстве значительно ухудшалась в моменты смены правителя, когда свои претензии на власть заявляли различные представители нойонских группировок. События в Калмыцком ханстве сразу же сказывались на всем степном междуречье Волги и Дона и в Предкавказье. Поэтому правительственные круги империи накопили значительный опыт принятия решений для преодоления престолонаследных кризисов и нормализации политической обстановки в ханстве. Подобная кризисная ситуация могла сложиться после смерти хана Дондук-Даши (1741–1761).

В современной историографии данной проблеме уделялось недостаточное внимание. М. М. Батмаев и А. Г. Митиров ссылались лишь на молодой возраст наместника [Батмаев 1993; Митиров 1998]. А. Г. Митиров так описывал основную проблему первых лет правления Убаши, связанную с князьями Дондуковыми: княгиня Вера Дондукова с сыном, отставным майором Кадетского корпуса Алексеем (Додьби) Дондуковым, прибыли в Енотаевскую крепость в январе 1763 г. Они сразу же заявили о желании выехать летом в степь, в улус.

Бригадир Бехтеев получил приказ удалить из окружения княгини всех священнослужителей. Но при ней неотлучно находились трое гелюнгов. А. Дондуков уверял, что роль их семьи в переделе власти ничтожна [Митиров 1998: 244]. А. Г. Митиров писал, что после возвращения княжеской семьи появились известия о планировавшемся переходе кочевников в православную религию и предстоящем в будущем новом разделении кочевых улусов. Поэтому для успокоения народа 15 января этого года к наместнику ханства Убаши и ко всем калмыцким владельцам была послана императорская грамота, объяснявшая причины возвращения княжеской семьи и опровергавшая слухи о планируемом переходе в православие [Митиров 1998: 244].

В. И. Колесник и Е. В. Доржиева практически не затронули проблему Дондуковых [Колесник 2003; Доржиева 2002]. Более подробно была рассмотрена проблема в монографии и ряде статей [Цюрюмов 2001; Цюрюмов 2003; Цюрюмов 2007].

В историографии XIX в. сохранялся достаточно частный момент с упоминанием назначения князя Алексея Дондукова калмыцким ханом [Дондуков-Корсаков 1886]. Анализ правительственных документов 1762–1763 гг. позволяет показать истинное отношение российских властей к фигуре князя (см., например: [Российская 1856: 24]).

Выявленные в последние годы документы Национального архива Республики Калмыкия позволяют расширить как источниковую базу, так и проблематику исследования. Источниками для исследования статьи стали опубликованные материалы томов №№ 48 и 51 «Сборника Русского исторического общества» и неопубликованные документы из фонда 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия.

Престолонаследный вопрос

В конце 50-х гг. XVIII в. власти Российской империи, ожидая скорую смену власти в ханстве, провели обсуждение кандидатуры наследника калмыцкого престола, приняв во внимание, прежде всего, мнение хана Дондук-Даши и ужесточив контроль за его деятельностью. Более того, Коллегия иностранных дел пыталась даже контролировать ход лечения хана. В начале октября 1760 г. Дондук-Даши получил разрешение встретиться в улусах римского патера Ромельдуса, жившего в Астрахани, для лечения и получения лекарств [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 2об.–3об.]. Но 21 января 1761 г. Дондук-Даши умер.

Еще в начале зимы 1760 г. калмыки перешли через Волгу по льду с луговой на нагорную сторону и прикочевали на прежние зимовья в урочище Бугута. За ханом двигались братья Яндык и Басурман-Тайджи, также хошуты, бага и ики цохоры. Дербетский улус находился на реке Сарпе. Табун-отоков улус Бамбара по приказу хана также перешел на нагорную сторону и кочевал к Куме. 10-тысячное ханское войско под командой Еремпея прикрывало кочевья от казахов и находилось также на нагорной стороне в урочище Рын-пески [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 4–5].

Состоящий при калмыцких делах генерал Н. Г. Спицын должен был организовать контроль процесса смены калмыцкого правителя и не допустить

открытого выступления оппозиции. 27 января 1761 г. Н. Г. Спицын выехал в ханскую ставку в урочище Бугута на р. Куме, куда прибыл 2 февраля. В церемонии похорон неожиданно не приняли участие багацохуровский нойон Цебек-Доржи и дербетский Галдан-Черен. Наместник послал за Цебек-Доржи зайсангов, но оказалось, что тот откочевал к Черкасску. Там же, на Дону, в урочище Хара-Сал вскоре оказались и дербеты [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 17об.–21].

Грамота императрицы, официально объявившая Убаши наместником, была подписана 12 августа 1762 г. Как писал А. Г. Митиров, наместнику было утверждено ежегодное жалование 1 000 руб. В грамоте императрицы разъяснялось, что казахский Нурали-хан имеет жалование меньше (600 руб.), чем калмыцкий, считавшийся более «древним подданным» [Митиров 1998: 244].

Одновременно с утверждением Убаши наместником была объявлена реформа ханского суда Зарго. В традиционный ханский суд входили зайсанги из владений хана. 8 марта 1762 г. Коллегия имущественных дел (далее — КИД) издала Указ, предлагавший создать новый суд Зарго для поддержания спокойствия в Калмыцкой степи. Данный суд ранее состоял из калмыцких зайсангов личного владения ханов. Теперь в него должны были входить не только ханские, но и зайсанги других калмыцких владельцев. При этом характер власти Убаши не изменится. Но и калмыцкие владельцы не будут, как прежде, притесняться, а простой народ останется в повиновении [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 38об.–39об.].

Решения принимались по большинству голосов. Оказалось, что многие выдвигали иски более сорокалетней давности, многие принимали у себя без решения Зарго беглых или силой захватывали и возвращали. Императорская грамота устанавливала срок начала «разобрания зашедших из одного улуса в другой людей» с 1742 г. Одновременно с утверждением Убаши наместником была объявлена реформа ханского суда Зарго. Итак, 12 августа в ханстве фактически началась реформа государственного строя, фактически ограничившая ханскую монархию [СРИО 1885: 456; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 147–149].

Церемония подтверждения наместника была проведена 29 октября 1762 г. в урочище Цаган-Аман. К этому времени были назначены все члены суда Зарго. На церемонии по-прежнему не присутствовал Галдан-Черен. Накануне он даже получил письма канцлера и астраханского губернатора, обязавших нойона присутствовать на церемонии, так как здесь наместник и нойоны должны были принять присягу императрице. Одновременно наказной атаман И. М. Иловайский получил приказ не пропускать дербетов через Дон. Теперь главное было учинить присягу в Дербетском улусе и направить в Зарго зайсанга «состояния доброго и надлежащего» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 41].

Н. Г. Спицын неоднократно получал жалобы на входивших в окружение Убаши знатных зайсангов, игравших заметную роль. К ним относились Даши-Дондук, ведавший судебными вопросами, а также зайсанги Цагалай и Ондон. Генерал считал, что положение зайсанга объясняется малолетним возрастом наместника, который полностью положился на Даши-Дондука. К тому же зайсанг почитаем во всех торгутских улусах и считается первым и главным

над прочими знатными зайсангами [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 37].

Возвращение Дондуковых

Ситуация в ханстве стала обостряться после возвращения семьи князей Дондуковых. Еще в 1742 г. супруга и дети хана Дондук-Омбо были вывезены из улусов в столицу, где приняли православие. Долгие два десятилетия они проживали здесь, сыновья получили военное образование и сделали карьеру [Дондуков-Корсаков 1886: 19–25; Цюрюмов 2007: 247–259].

14 августа 1761 г. императрица Екатерина II подписала грамоту, по которой им разрешалось вернуться в Астраханскую губернию. Проживать они могли в Енотаевской крепости в доме, построенном за казенный счет. Им возвращалась наследственная часть Бага-Цохоровского улуса, выделенная при разделе 1742 г. и находившаяся с этого времени под управлением хана Дондук-Даши (1 816 киб.). Передаваемое им владение должно было кочевать по-прежнему со всеми калмыцкими улусами, подчиняться общим для всего ханства распоряжениям наместника и решениям Зарго. Таким образом, оставаясь в Енотаевске, Дондуковы не могли жить в своем улусе, сохраняя лишь право сбора через своих зайсангов обычной подати.

Кроме того, семья получала жалованье в сумме 2 000 руб. и 2 тыс. душ крепостных в российских губерниях в качестве компенсации за невозвращенные им улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина. Дондуковы должны были дать обязательство не вмешиваться во внутренние дела других улусов, не поддерживать никаких связей с правителями Кабарды. Отдельным стало требование соблюдать православные обряды [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 38об.–39об.].

Следующим стал Указ от 12 августа 1762 г., запрещавший княгине выезжать в улусы, вмешиваться в их дела, предполагая лишь спокойное пребывание в Енотаевской крепости, чтобы не появлялись причины к беспокойству в калмыцком народе. Главным требованием стала приверженность православию [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 249–250].

Интересно рассмотреть причины возвращения Дондуковых в ханство. Документы свидетельствуют, что решение императрицы объяснялось исключительно состоянием здоровья княгини Веры Дондуковой. Например, в грамоте от 15 января 1763 г. указывалось, что княгиня В. Дондукова «ныне уже в престарелых летах находится и почти всегда больна» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 59]. Отпускается она в улусы по собственному прошению для проживания в Енотаевской крепости только из-за столичного климата, от которого «как неприродного чувствовала тягость» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 59].

В другом документе, докладе Коллегии иностранных дел от 25 апреля 1763 г., также раскрывается время и причина возвращения: княгиня Дондукова отпущена на житье в Енотаевскую крепость в 1762 г. по собственному ее прошению из-за «престарелого и болезненного ее состояния» [СРЮ 1885: 452–453].

Таким образом, возвращение Дондуковых было связано с обстоятельствами исключительно личного характера. За этим решением не стояли долговременные планы правительства по передаче власти в ханстве семье Дондуковых. Однако данное решение было воспринято самими Дондуковыми как вариант

будущей смены власти в ханстве и привело весной 1763 г. к обострению вопроса об их дальнейшей судьбе.

8 марта был составлен доклад КИД, в котором сообщалось, что при княгине для управления улусом должен был остаться один из двух сыновей. Но после появления в крепости и получения бага-цохоров Дондуковы потребовали 5 000 кибиток, якобы остававшихся не возвращенными от наместника Убаши. В это число входили до 3 000 кибиток, когда-то отданных Аюкой Дондук-Омбо, и большая часть томутов-мусульман. К тому же Дондуковы решили не возвращать наместнику его улусных калмыков [СРИО 1885: 458; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 250].

Сообщил эту новость побывавший у В. Дондуковой переводчик М. Девятьяровский. Он слышал, что находившиеся у цохоров наместниковы кибитки не будут возвращены, так как 3 000 кибиток были пожалованы Аюкой внуку Дондук-Омбо. К тому же семья Дондуковых получила в наследство 5 000 кибиток, в числе которых томуты. Княгиня требует отдать, кроме 1 816 кибиток, еще 3 000 кибиток калмыков и томутов [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 70б.-9].

КИД запретила князю захватывать больше, чем в указе определено, так как, глядя на нее, и остальные владельцы заявят о своих претензиях, многие из этих исков имеют срок 40 и более лет. Чтобы не создавать прецедент, Вере Дондуковой было отказано в просьбе вернуть, кроме Багацохуровского улуса, еще и улусы, которыми ранее владел хан Дондук-Омбо, а ныне оказавшиеся у наместника ханства. Императрица, ознакомившись с докладом, наложила резолюцию: дать каждому по 1 000 душ крепостных из русских деревень, выбрав из числа конфискованных или новокрещенных [СРИО 1885: 450, 454].

Одновременно А. Д. Бехтеев получил замечание, что он остается в Енотаевской крепости и слишком спокойно относится к калмыцким делам: «здесь не без удивления усматривается, что вы донося сюда время от времени о умножающемся в калмыцком народе беспокойстве, пребываете однако же сами невзирая на сии важные обстоятельства в крепости Енотаевской, довольствуясь токмо в разсуждении престоережения того переписками и пересылками с наместником ханства калмыцкого и другими владельцами и калмыками» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 36–36об.]. При этом ему напомнили, что существует действующая инструкция Коллегии полковнику Л. Боборыкину, согласно которой главе калмыцких дел вместе с командой казаков необходимо находиться в улусах даже в зимнее время. Указ предписывал ему срочно выехать в ставку наместника и находиться при нем всю зиму [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 36–36об.].

31 марта 1763 г. подробное донесение в столицу прислал бригадир А. Д. Бехтеев. Он сообщил, что не позволяет княгине Дондуковой выезжать в калмыцкие улусы, не допускает по возможности к ней калмыцких гелюнгов и следит за всеми ее поступками, но, тем не менее, к княгине Вере постоянно приезжали калмыцкие ламы, которые подолгу находятся при ней, а некоторые безвыездно находятся при княгине.

Поэтому А. Д. Бехтеев сомневался в том, что княгиня «твердо держала православную веру» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15]. Сама княгиня не придерживается православия, так как из-за болезни не соблюдала посты. Напри-

мер, она могла поститься, а на следующей неделе употреблять мясо. При этом она продолжает носить, как и все простолюдины, шапку «из желтого сукна с красными кистями, что в калмыцком народе за закон почитается» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15]. Люди В. Дондуковой, писал А. Д. Бехтеев, держатся калмыцких обычаев. В улусах открыто возобновились буддийские службы. В. Дондукова приказала возобновить «в своих улусах курю и велела собрать идолов, которая куря при муже ее хане Дондук-Омбо была» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 25]. По сообщению бригадира, дондуковские калмыки начали угонять скот из владений Убаши, который тут же отгонялся в Кабарду и продавался за полцены. Князь Алексей Дондуков удержать их от этого не может [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15–15об., 22–25об.].

Очень скоро появились слухи, что княгиню назначат «главной правительницей», а сына Алексея — калмыцким ханом, управлять Дондуковы будут, оставаясь в Енотаевской крепости. В улусах же исполнителем их власти будет Цебек-Дорджи. Наместнику же будет оставлен только наследный улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 139–149об.].

А. Д. Бехтеев слышал в разговорах нойонов, что, когда Дондук-Омбо «учинил России противность» и, забрав калмыцкие улусы, отошел на Кубань под протекцию Крыма, а жена его Вера Дондукова (Джан) туда же увела татар. За это они не получили никакого наказания, более того, были награждены. Сегодня, если кто-то из владельцев, например Цебек-Дорджи, усилится и уйдет за границу, то его, как и Дондук-Омбо, Россия оттуда вынуждена будет вызывать с обещанием награды [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 46об.].

В итоге А. Д. Бехтеев, описывая сложившуюся ситуацию, считал, что калмыцкий народ находится «в великом смятении» из-за отправления сюда княгини Веры Дондуковой [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 18об.]. Из-за этого появляются ложные слухи, которые опасны из-за их «легкомыслия» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 25]. В конце доношения А. Д. Бехтеев сообщал, что А. Дондуков, несмотря на запреты, собирается выехать в свой улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 16, 22–25об.].

16 апреля состоялась встреча бригадира А. Д. Бехтеева с А. Дондуковым, во время которой подполковник требовал показать указ, запрещающий ему ехать в улусы. А. Д. Бехтееву удалось доказать существование указа, и А. Дондуков согласился не ехать. А. Д. Бехтееву, хотя и удалось остановить князя А. Дондукова, но уверенности в том, что это не повторится, не было. Поэтому прозвучало опасение, что, если княгиня В. Дондукова с сыном Алексеем взята отсюда не будет, а находиться будет здесь, то никогда в калмыцком народе покоя не будет. Княгиня была охарактеризована как «женщина хитрая», а сын ее, князь Алексей, не оставит планы делать своими интригами «беспокойства» в калмыцком народе. Если удалить Дондуковых, считал А. Д. Бехтеев, то калмыцкий народ быстро успокоится [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 22–25об.].

Из следующего доношения бригадира А. Д. Бехтеева известно, что КИД даже запретила князю А. Дондукову взять в жены дочь дербетского владельца Шампиль Норбо, порекомендовав выбрать русскую избранницу [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 34–35].

25 апреля в КИД был составлен доклад императрице, в котором специаль-

но оговаривалось, что правительство надеялось, что княгиня в силу возраста быстро успокоится. Но из донесений бригадира А. Д. Бехтеева стало видно, что происходившие в калмыцком народе волнения продолжались из-за «развратных разглашений» княгини В. Дондуковой. Находясь вблизи калмыцких улусов, княгиня может только собирать через зайсангов обыкновенную подать. При этом она не могла вмешиваться в дела других улусов и вступать в пересылки с «заграничными народами». Поэтому КИД предупредила Веру и Алексея Дондуковых, что жить они должны спокойно, но, если «не воздержатся», то будут отлучены из улуса [СРИО 1885: 452–453].

Стало также известно, что кабардинский владелец Касай намерен приехать к княгине Вере Дондуковой. Реакция императрицы Екатерины была более жесткой. Она прокомментировала последнее известие так: «Видно, что ея интриги далеко простираются» (цит. по: [Соловьев XXV: 1489]).

Комендант Енотаевской крепости особо предупреждался в необходимости особой слежки за Дондуковыми, чтобы «они не ушли, как уже и прежде от них случилось» [СРИО 1885: 453]. Коллегия выражала надежду, что, когда калмыцкий народ узнает о планах отправки Дондуковых из Енотаевской крепости, уменьшатся их «своевольные поступки» [СРИО 1885: 453].

В результате Коллегия пришла к выводу, что калмыки «в беспокойство приводится» из-за действий В. Дондуковой. Если княгиня В. Дондукова среди калмыков будет продолжать интриги, существует необходимость вывезти ее из улуса. Подать собирать по-прежнему через зайсангов. Это послужит примером крещения калмыцких владельцев, когда они увидят, что в новых условиях у них не забирают их владения. В случае приезда в столицу установить жалование княгине в 2 000 рублей в год, а сыну ее князю Алексею — 1 000 рублей в год. Кроме того, выделить им сумму на ремонт старого или покупку нового дома [СРИО 1885: 453–454].

Императорская грамота (25 апреля 1763 г.) предупреждала В. Дондукову, что ей надлежит поступать так, чтобы не появлялись причины беспокойства во всем калмыцком народе. Императрица указывала всех захваченных людей немедленно отпустить, а самой спокойно жить в Енотаевской крепости, довольствуясь сбором обыкновенной подати через зайсангов Багацохуровского улуса. В. Дондуковой запрещалось требовать другие улусы, кроме уже переданных ее детям кибиток, предлагалось отпустить захваченных людей, разобратся в спорных вопросах о «лошадях и прочем» [СРИО 1885: 458]. Еще раз подчеркивалось, что Багацохуровский улус находится под общекалмыцким управлением, княгиня не должна вмешиваться в дела других улусов, а также не должна иметь переписку и пересылку с кубанскими татарами, кабардинцами, кумыками и киргиз-кайсаками. Ее калмыки обвинялись в том, что захватили немалое число людей и лошадей наместника, продав последних за полцены в Кабарду. В противном же тому случае ей с сыном грозило удаление из улусов [СРИО 1885: 458].

Аналогичная грамота была отправлена А. Дондукову. В грамоте наместнику особо подчеркивалось, что рассматривать все споры необходимо в Зарго и в присутствии А. Д. Бехтеева [СРИО 1885: 460].

7 мая 1763 г. императрица подписала грамоту В. Дондуковой, в которой

сообщалось о великом «неудовольствии», которое принесли известия о продолжающихся захватах из улусов наместника ханства Убаши, из-за чего они остались кочевать на нагорной стороне Волги. Кроме того, отогнали большое число лошадей. Императрица потребовала вернуть все захваченные улусы, жить в крепости и в дела улусов не вмешиваться. В противном случае княгиня будет отправлена в столицу. Дондуковым приказали отпустить всех чужих из улусов [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 143–146об., 147–149].

12 мая 1763 г. в Указе КИД уже прозвучало опасение, что Дондуковы могут уйти. Поэтому князю А. Дондукову разрешалось выехать в любой город, но только не в улусы [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 250об.–251]. Все это привело к нормализации обстановки в ханстве и снятию напряженности в вопросе о Дондуковых.

6 сентября 1763 г. КИД вновь вернулась к данной проблеме. Она получила письмо капитана Ионы Дондукова, в котором сообщалось, что Алексея Дондукова оклеветал бригадир А. Д. Бехтеев. Поэтому полковник собирается приехать в столицу и объясниться. Именно после ходатайства брата А. Дондуков получил разрешение выезжать в города [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 249–254].

Заключение

Анализ представленных документов позволяет считать, что правительство Российской империи накопило значительный положительный опыт предотвращения усобиц в Калмыцком ханстве. Но с начала правления наместника Убаши причиной новых беспокойств стало возвращение в январе 1763 г. семьи Дондуковых в Астраханскую губернию и поселение их в Енотаевской губернии. Данное событие произошло с санкции императрицы Екатерины II и КИД.

Но у княгини Веры и ее сына князя Алексея Дондукова стали созревать планы передачи ханской власти. Вслед за этим стали волноваться и калмыцкие улусы, в народе появились слухи о скорой передаче власти Дондуковым, а исполнителем их воли в улусах станет нойон Цебек-Дорджи.

Коллегии иностранных дел удалось достаточно быстро в течение марта–мая 1763 г. пресечь слухи о смене власти в ханстве, пригрозив Дондуковым удалением из ханства.

Наконец, документы свидетельствуют, что князь Алексей Дондуков не назначался в 1762 г. ханом Калмыцкого ханства.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

СРИО 1885 — Сборник Русского исторического общества. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т. 48 (I). 1762–1763. СПб., 1885. [6], LI, 660 с.

Sources

Collection of the Russian Historical Society. Political Correspondence of Empress Catherine II. Vol. 48 (I): 1762–1763. St. Petersburg, 1885. [6], LI, 660 p. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. 36 ('[Files of] Kalmyk Affairs Executive [Officer] Subordinate to Astrakhan Governor'). Cat. 1. File 1–423. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVI–XVIII вв. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Дондуков-Корсаков 1886 — *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1886. 108 с.
- Доржиева 2002 — *Доржиева Е. В.* Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Российская 1856 — Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. III. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856. 523 с.
- Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXV. Изд. 2. СПб.: Общественная польза, [б. г.]. 1544 стб.
- Цюрюмов 2001 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в конце 60-х – начале 70-х годов XVIII в.: итоги и перспективы изучения // Проблемы современного калмыковедения. Элиста: КалмГУ, 2001. С. 143–150.
- Цюрюмов 2003 — *Цюрюмов А. В.* Традиционный суд Зарго в политической системе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Сословное народное представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в. Третьи Щаповские чтения: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 103–107.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 462 с.

References

- Batmaev M. M. The Kalmyks, 16th–18th Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Dolgorukov P. (ed.) The Russian Genealogical Book by Prince Peter Dolgorukov. Part 3. St. Petersburg: E. Weimar, 1856. 523 p. (In Russ.)
- Dondukov-Korsakov A. M. The House of Dondukov-Korsakov. Tiflis: Caucasus Civil Executive's Chancery, 1886. 108 p. (In Russ.)
- Dorzhieva E. V. The 1771 Kalmyk Exodus to China. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for University-Level Institutions, 2002. 212 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe — and Backwards, 17th and 18th Centuries AD. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Solovyov S. M. History of Russia from Earliest Times. Book V. Vol. XXV. 2nd ed. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, [publ. year unknown]. 1544 cols. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Political Interaction. Elista: Dzhangar, 2007. 462 p. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Kalmyk Khanate, late 1760s – early 1770s: Research outcomes and prospects. In: Issues of Contemporary Kalmyk Studies. Elista: Kalmyk State University, 2001. Pp. 143–150. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Traditional court Zargo in the political system of Kalmyk Khanate, 17th–18th centuries. In: People's Representatives and Self-Governance by Estates in Russia, 16th to Early 21st Centuries. Third Shchapov Readings. Conference proceedings. Irkutsk: Ottisk, 2003. Pp. 103–107. (In Russ.)